

ГОЛОС ПОКОЛЕНИЯ

А мы такую книгу прочитали —
Не нам о недочитанных жалеть!..

С. Орлов.

... Февральские вьюги пообдули снег на взгорках перед безвестной псковской деревушкой Гора. А в низинах, в затишьи, в редком щетинистом ивняке он лежал плотным полутораметровым слоем. Тяжелые танки «КВ», приминая ивняк, оставляя в снегу глубокие колеи, скапливались для атаки. Минута, другая, полчаса... Все чаще и чаще взвизгивали снег разрывы мин в расположении танкового полка. Шелестя и шепелявя, пролетали над задраенными люками тяжелые снаряды немецкой артиллерии — гитлеровцы отсекали подходившие к низинке резервы. Через бескрайнее снежное поле катились клубы дыма—деревенька, где засели немецкие войска, горела. Но вот в низкое, обложное небо взвились две ракеты — танковая атака началась. Грузно покачиваясь, срезая днищем хрупкий наст, натужно ревя на подъемах моторами, «КВ» стали набирать скорость. В облаках снежной пыли, в багровых отблесках пламени — башнер вел стрельбу с хода на третьей боевой скорости—вырвалась вперед машина командира взвода старшего лейтенанта Орлова. За ней, глубоко вспахивая снежную целину, шел весь взвод. Выстрел и разрыв сливались в один спаренный удар: противотанковые пушки противника вели по головной машине прицельный огонь. Взвизгнула, ударив по касательной, и ушла рикошетом первая «болванка»,

град осколков застучал по броне — рядом взорвалась немецкая мина. Но по-прежнему сквозь едкий дым газойля, сквозь снежную пыль было видно в смотровую щель, как набегают и набегают под гусеницы снежное полотно поля, как все отчетливее и отчетливее становятся крайние дворы горящей деревеньки...

Больше старшему лейтенанту Сергею Орлову не пришлось ходить в танковые атаки. При выходе из деревни Гора — танковый полк прорывался на стратегически важный разъезд — его машина была подожжена прямым попаданием вражеского снаряда. Глубокая колея, которую оставил танк в снежных заносах, спасла командира взвода: по этой колее, как по траншею, вытащили товарищи его, обгоревшего, залитого кровью, в ближний тыл — в медсанбат.

А в редакции фронтовой газеты, где частенько бывал молодой поэт Сергей Орлов, осталась толстая ученическая тетрадь со стихами. Стихи эти были о войне, о мгинских болотах, о фронтовом братстве, о родном доме, о матери, сельской учительнице, живущей в Белозерье.

Под скупыми стихотворными строчками стояли даты: «март 1943», «июнь 1943», «ноябрь 1943», «февраль 1944» и названия поселков и городов, которые и до сих пор жгуче памятны бывшим фронтовикам — солдатам Ленинградского и Волховского фронтов: Карбусель, Мга, Волхов, Новгород...

Позднее, в победном мае сорок пятого года, когда демобилизованный по ранению офицер-танкист Сергей Орлов работал диспетчером шекснинского пароходства, этим лирическим наброскам был подведен первый итог:

Пускай в сторонку удалится критик:
Поэтика здесь вовсе ни при чем.
Я, может быть, какой-нибудь эпитет —
И тот нашел в воронке под огнем.
Здесь молодости рубежи и сроки,
По жизни окаянная тоска...

Я порохом пропахнувшие строки
Из-под обстрела вынес на руках.

Да, прав был поэт — как он сам выносил из-под обстрела пропахшие порохом, солдатским потом, сталью, землей и талым снегом стихотворные строки, так его па-

мятная тетрадь была вынесена из боев, сохранена друзьями вплоть до окончания войны, а затем переправлена поэту на родину, в Белозерье. Эта-то тетрадь и явилась основой первого сборника стихов Сергея Орлова «Третья скорость», вышедшего в Ленинграде спустя год после Дня победы.

* * *

Сергей Сергеевич Орлов — наш земляк, вологжанин. Родился он в 1921 году в селе Мегра, Белозерского района. Через много лет в краткой автобиографии поэт запишет, что детством для него стали белеющие березы, пламенеющие рябины, ночные всполохи зарниц, огромный слюдяной простор Белого озера. В этом красочном перечислении можно ясно ощутить возвышенное отношение поэта к скромной «северной земной красе». Но таким он был в своих первых стихах, таким он прошел сквозь испытания военных лет.

Стихи С. Орлов начал писать подростком. Некоторые из них были напечатаны в областной газете «Красный Север», некоторые — в «Комсомольской правде», одно — в «Литературной газете». Называлось оно весьма характерно «Приглашение на Север» и было выдержано в былинном, народно-песенном стиле. После окончания десятилетки С. Орлов пароходом уезжает в Петрозаводск — в университет, с твердым желанием писать и печататься. Но грянула война, и студент-первокурсник вместе со своими товарищами вступает в истребительный батальон. Затем — танковое училище, Волховский фронт, мгинские болота, ночные марши, танковые атаки и, наконец, тот тяжелый бой возле деревни Гора, с которого я и начал свое повествование.

Как видим, биография С. Орлова — сколок с биографии всего его поколения, которое в послевоенные годы уверенно о себе заявило стихами и поэмами А. Недогонова, М. Дудина, С. Гудзенко, М. Луконина, М. Карима, Л. Хаустова, А. Межирова, В. Субботина и многих других, чей вклад в советскую поэзию вполне очевиден, чьи имена ныне широко известны читателям. Однако «Третья скорость» выделялась даже среди лучших послевоенных сборников ясностью и мужественностью стиха, душевным запалом и густой, обжигающей метафоричностью. Новый голос сразу же заметили читатели и

литературная критика. «Поэт-танкист» — так стало принято говорить о Сергее Орлове с тех пор. В общем-то это справедливо, хотя и не раскрывает всего того нового, что внес С. Орлов своим творчеством в советскую поэзию послевоенных лет.

Его лирические стихи вобрали в себя не только конкретную биографию танкиста Сергея Орлова, но и биографии тех земляков и побратимов, с кем ему пришлось делить последнюю щепоть махорки, вдыхать хмельной ветер танковых атак, грустить о доме и распевать протяжные украинские песни «Ой ты, Галю» или «Посияла огирочки»...

Четыре года не снимавший солдатской шинели, прошедший с боями «всю вселенную», герой стихов С. Орлова за годы войны стосковался по плугу, его «тянули, как магнит», родные просторы и поля. Этот обобщенный образ советского воина, встающий из стихов С. Орлова, был, конечно, сокровенно родственен поэту и в то же время отличен от него: бывший студент историко-филологического факультета не мог так тосковать о теплых рукоятках плуга, за которыми отродно хлебоборбу пройти по обсушенной весенним солнышком пашне! И все-таки проникновенная любовь к земле, густые земные соки, которые бродят в поэзии С. Орлова, эта привязанность к людям труда — органически присущи его творчеству, как и многим его современникам. Хорошо от их имени сказал Александр Твардовский: «Мы все — почти что поголовно — оттуда люди, от земли...»

Она разная, эта любовь к земле в стихах С. Орлова, то щемящая печалью, то заставляющая сердце сильнее биться от восторга и воодушевления, то обращенная к родным березкам и рябинкам, то ко всей вселенной. Вот в осенний хмурый день «погреться у костров рябины сошлись избушки деревень». По пустынным пажитям пробегают воинский эшелон, «мелькают в глубине вагонов шинели серые, штыки»...

Под ветром шелестит березник,
Ему последний лист ронять...
И женщина у переезда —
Солдатская, должно быть, мать —
Глядит на поезд без движенья,
Подняв ко рту конец платка.
В глазах ее — благословенье

И древняя, как мир, тоска...
Ой вы, дороги верстовые
И деревеньки по холмам!
Не ты ли это, мать-Россия,
Глядишь вослед своим сынам?

Не будь последней строфы, и перед нами была бы правдивая зарисовка военных лет, проникнутая щемящей тоской и печалью. Но в интонационном переходе «Ой вы, дороги...» есть и солдатское удалство, сливающееся с большим раздумьем поэта о судьбе матери-Родины, которая благословляет своих сынов на ратный подвиг и скорбит о тех, кому не суждено вернуться с кровавых полей войны. Любовью к родине, к советской России, к ее воинам и защитникам проникнуто и стихотворение «После марша». Но как оно отличается по интонации от только что процитированной «Осени». После утомительного марша наконец-то раздалась долгожданная команда — «Привал!..» Скорей бы стянуть комбинезон с плеч — и в тень, в траву...

Но только прежде
Проверь мотор и люк открой:
Пускай машина остывает.
Мы все перенесем с тобой.
Мы люди, а она стальная...

Об этом стихотворении можно сказать, перефразируя Маяковского, что оно крепко, как спирт в полтавском штофе. В неожиданном смысловом повороте: «Мы люди, а она стальная» — забойной концовке стиха — заключено большое содержание: даже сталь не выдерживает там, где выдерживают, где все переносят и побеждают советские люди, воины нового склада. Эту твердость им придает великая правда коммунизма, которую они по велению сердца защищают до последней капли крови. Вот почему голос поэта звенит, когда он говорит об этой великой правде века.

На кострах умирали когда-то
Ян Гус и Джордано Бруно,
Богохульную истину
Смертью своей утверждали...

С далекой исторической параллели начинает заключительные строчки стихотворения «У сгоревшего танка» Сергей Орлов. Но от подвига борцов за гуманизм, за

светлое будущее человечества поэт делает рывок через столетия и ставит в один ряд с их всемирно известными именами подвиг своих рядовых однополчан-сверстников:

Люк открой и взгляни в эту башню,
Где пусто, черно —
Здесь погодки мои
За великую правду
В огне умирали!

Эта великая ленинская правда человечества вела однополчан поэта сквозь пламя небывалой в истории народов войны: вот почему для выражения их чувств, для выражения собственных переживаний поэта потребовались слова, обжигающие, как раскаленный металл, и образы, поражающие своим размахом. И такие образы возникли, такие стихи родились. Это, в первую очередь, стихотворение «Его зарыли в шар земной», которое неоднократно цитировалось, но которое я не могу не процитировать вновь.

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

Стихотворение это начинается как солдатский сказ — прямым, негромким обращением поэта-собеседника к однополчанам. Но его торжественная печаль смело и точно облечена в «космическую» плоть — Земля, миллионы лет летящая по своей извечной орбите, стала мавзолеем для простого русского парня — солдата «без званий и наград». Есть от чего захолонуть сердцу!

Эта же «космичность» образов имеется во многих других стихотворениях Сергея Орлова. Таково, к примеру, стихотворение «Атака на рассвете»: восходит солн-

це, и немцы, «как очумелые», начинают палить из минометов. Но несметной силой встают атакующие бойцы и штыками «как бы дорогу для светила прокладывают в злом дыму». Или стихотворение «Вот человек — он искалечен». Человек искалечен, но ты, его современник и соотечественник, гляди в его лицо, не отводи взгляда от багровых рубцов и шрамов, ибо тяжек был его путь к победе и «не думал он о себе в пути», чтобы мирная жизнь народа, победа народа была такая: «взглянуть — и глаз не отвести!»

Этот внутренний накал в поэзии С. Орлова, эта гиперболность образов обличает в нем художника романтического склада, поэта-романтика.

Таковым он и является в действительности.

Мы неохотно говорим о романтизме в стихах современных поэтов, особенно молодых, может быть потому, что к иным невыразительным, поэтически бескрылым сборникам, выходящим в различных издательствах, это понятие никак не подходит. Однако, оценивая творчество Сергея Орлова в целом, нельзя не почувствовать, что именно революционной романтикой овеваны его лучшие стихи.

На новом жизненном материале, в своеобразной творческой манере поэт продолжает традиции революционно-романтической поэзии Н. Тихонова, М. Светлова, Б. Корнилова, Э. Багрицкого, В. Луговского. Эта творческая преемственность закономерна, ибо она определена героическим характером нашей советской эпохи.

Романтика — это не только в книжках!
И в жизни место у ней свое, —

пишет С. Орлов. Поэт не только ощущает романтическое в жизни, в действительности, он умеет видеть и отобразить возвышенность помыслов и дел своих современников.

Романтизм в прошлом веке чаще всего был применим к мятежному герою, противостоящему своему обществу, времени, своей эпохе. И хотя Белинский в романтизме выделял прежде всего субъективный элемент, говорил, что новый романтизм — в отличие от средневекового, реакционного романтизма — «есть не что иное как внутренний мир души человека, сокровенная жизнь его сердца», бесспорно, что и для него «благородное негодова-

ние» мятежной непокорной личности против существующих порядков и социального зла было главным в «новом романтизме».

Романтическую окрыленность наши советские поэты черпают в слиянии с величайшими движениями эпохи, в слиянии с подвигами и трудами народа, приступившего к коммунистическому преобразованию мира. Отсюда рождается ощущение приподнятости, яркого оптимизма, силы:

Я строил окопы и доты,
железо и камень тесал,
и сам я от этой работы
железным и каменным стал.

(Я. Смеляков).

Это чувство победной приподнятости, силы присуще и С. Орлову. «Мы жизнь свою, как песню, пронесли», — обращается он с вызовом к иным альбомным лирикам, которые непрочь посокрушаться о недопетых песнях и недоцелованных девичьих губах. Нет, иной пафос вдохновляет С. Орлова, иные чувства обуревают его:

А мы такую книгу прочитали...
Не нам о недочитанных жалеть.
В огне багровом потонули дали
И в памяти остались пламенеть.
Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою, как песню, пронесли...
Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы все сложили в жизни, что могли...

Поэт счастлив, что он приобщен к бессмертной славе вооруженного народа, что с гвардейского знамени на него смотрел товарищ Ленин и «лично вел» его в танковые атаки, что скупое сообщение Информбюро «о пути-дороге нашего полка», как самое великое творенье, «пройдет в века, переживет века»...

Но романтическая взволнованность не мешает С. Орлову быть подлинным реалистом. Он рассказывает о Великой Отечественной войне, о своих сверстниках и однополчанах, не чуждаясь деталей окопного быта: «солдаты спят — они за день устали, храпит прокуренный насквозь блиндаж»; ходовых солдатских словечек: «стукнуть, так сказать, по банке, завалиться на ночь спать»; резкого изображения непомерных тягот и трудностей, испытанных бойцами на войне.

Качаясь от усталости, из боя
Мы вышли и ступили на траву
И неправдоподобно голубое
Вдруг небо увидали наяву...
Так, значит, нам на сутки отпустили
Зеленых трав и синей тишины,
Чтоб мы помылись, бороды побрили
И посмотрели за неделю сны...

Без этих деталей, без этой художественной конкретности немыслима подлинная поэзия. «Конкретность есть главное условие истинно поэтического произведения» (Белинский). Но все же не это главное в творчестве Сергея Орлова.

Думая о биографии своего поколения, которое в предвоенные годы еще не определило своих жизненных путей, которое встретило развязанную гитлеровским фашизмом войну, как тяжелое, но неизбежное испытание всех волевых и душевных качеств, С. Орлов ставит основной вопрос, волнующий его сверстников. Это вопрос о том, что сыграло решающую роль в формировании их духовного облика и мировоззрения, что определило их стойкость и мужество в годы войны. После первой мировой войны в западной литературе появилась целая плеяда писателей «потерянного поколения». Минувшая вторая мировая война также вызвала к жизни старые мотивы «потерянного поколения» или новые декларации «разгневанных молодых людей». Пример советских поэтов третьего поколения, поэтов-фронтовиков, среди которых можно назвать и имя Сергея Орлова, говорит о том, что какие-либо настроения потерянности, разочарованности, крушения идеалов юности им совершенно чужды. Наоборот, как писал Луконин в стихотворении «Пришедшим с войны», «нам трудом обновить ордена и почет, жажда трудной работы нам ладони сечет...» Не до пессимистических размышлений об утраченных в окопах иллюзиях юности было и лирическому герою Сергея Орлова: необходимо было восстанавливать разрушенные войною города и села, учиться, строить жизнь. «Время обстричь рубанки, топоры и зубила», — писал С. Орлов в 1948 году. Но что же определило этот неиссякающий, неперегоревший в огне войны оптимизм поколения? На этот вопрос и отвечают многие лирические стихи С. Орлова, и в первую очередь «Приснилось мне жаркое лето».

Стихотворение обобщает размышления лирического героя. Наивно безоблачное счастье парнишки «с доверчивым взором», которому предстоит увидеть фронтовые пожары, ходить в танковый прорыв, писать солдатские стихи. Наивна и трогательна любовь девушки к этому «русому мальчику», так и не заметившему ее любви. Но мир, окружающий их, настолько светел, поля так широки и просторны, что случившаяся размолвка, как весенний дождь, лишь освежает чувства героев, вселяет в них жажду жизни и счастья. Шагает напрямик по полям парнишка «в кубанке овсяных волос»:

Веселый, счастливый, довольный,
Ничуть не тревожась о том,
Что девушка в садике школьном
Впервые тоскует о нем...

В этой щедрости природы и «половодии чувств» стихотворения заключена глубокая мысль о том, что советская действительность воспитала этого парнишку свободным, гордым человеком, способным перенести любые трудности и испытания во имя независимости народа. Но биография поколения была бы неполна, если бы поэт рассказал только о безоблачном счастье юноши, едва вступившем в жизнь. Как ударная волна, захлестывают его другие воспоминания, тяжелые и трагические. Он тут же припомнил, как «ревел над землей металл», как «в черных окопных потемках» было томительно ожидание писем любимой, как падал он «в травы устало, не помня уже ничего»... Голос поэта прерывается, вместе с ним, оглядываясь в прошлое, мы делаем паузу — и вот заключительные строки:

Его впереди это ждало —
И я не окликнул его.

Счастье русоголового школьника — не хрустальная ваза, которая вдребезги разбилась в первые дни войны. Это — добрый и любвеобильный мир, который предстояло защищать в кровопролитнейших боях, который придал силы и мужество поколению, шагнувшему со школьного крыльца во фронтовые траншеи и блиндажи. Все это: фронт, гибель друзей, освободительный поход в Западную Европу — надо было пройти, и герой стихотворения «Приснилось мне жаркое лето» все это прошел,

обретя душевную закалку и в огне испытал свою любовь к Родине. Вот почему поэт не окликнул его на заре юности.

И в послевоенные годы Сергей Орлов остался человеком военной, боевой биографии. Он часто бывает в частях Советской Армии, выступает со стихами — держит своеобразный «экзамен» в армейских клубах перед солдатской аудиторией. Его впечатления о трудной службе пограничников, о молодых солдатах, пришедших в воинские подразделения на смену ветеранам, нашли отражение во многих стихотворениях последних лет. Повстречался поэту молодой, к счастью, как говорится, не нюхавший пороху, солдат-земляк. Размышляя о его службе в Вооруженных Силах, поэт уверенно говорит:

На него надеются по праву,
Так же, как когда-то на меня,
В главном штабе маршалы державы
И в колхозе вся его родня.

В целом ряде публицистических стихотворений Орлова находит отклик готовность участников Великой Отечественной войны, в случае военной угрозы, встать на защиту мира. Как и любому из них, поэту радостно сознавать, что при выносе боевого знамени, когда замрут шеренги бойцов, в тишине ему дано «с армией припомнить заодно: поля, полки, дороги, битвы, страны». Занятые мирным трудом, его бывшие однополчане не намерены предаваться благодушию. Нет, поход продолжается!

Пусть нас иной теперь волнует труд.
Но, услышав глухой дизельмоторный
Издалека до нас дошедший гром,
Мы встанем здесь — механики, башнеры —
И номера полков произнесем!

Даже в районном северном городке, где довелось побывать поэту, он попутно замечает, что в городском саду

...уже без орденов и планок,
Пиджаки накинув на девчат,
Ходят нынче парни под баяны.

А где-то на краю земли, на нынче пограничной заставе идет проливной дождь и близко к полуночи вклю-

чает начальник заставы приемник. Стрелка ползет вдоль шкалы, и офицер-пограничник то припомнит Софию, то Бухарест, то родной Арбат, когда «куранты гремят на границе у самого края страны». В этот мир доброго человеческого настроения и душевной теплоты врывается суровая и тревожная жизнь погранзаставы. Возвращается из наряда дозор, усиливается дождь и начальник заставы

... старшину вызывает:
«Удвойте наряд, старшина».

* * *

У многих есть свои излюбленные пословицы, изречения или афоризмы, которые повторяет человек, оставаясь наедине с самим собой, размышляя о жизни, переживая трудную минуту. Наиболее полно поэзию и биографию Сергея Орлова выразили бы следующие строчки старинного поэта: «Жизнь — это дорога, а над ней звезда!..» С дорогой — фронтовой лежневкой, сельским большим, разбитой снарядами автострадой — связаны у него впечатления военной поры, с дорогой связана его жизнь и в послевоенные годы. «То меня на север, то на юг дальняя дорога уносила», — пишет он в стихотворении «У себя дома». И только в родном северном городке Белозерске все недосуг было ему побывать. Видя повсеместный строительный размах, гигантские подковы Сталинградской и Куйбышевской ГЭС, новостройки Урала и Сибири, города Западной Европы, поэт думал, что только его родной городок «не растет, не строится как надо»:

Вкруг него, как видно, не найдут
Никаких таких месторождений,
Только реки сонные текут,
Льны цветут, да облака плывут,
Да базар шумит по воскресеньям.

Но приехав однажды, он видит, что и в этом, как бы раньше сказали заштатном городке, творятся чудеса: выросли сверстники поэта и ныне во всех уголках страны «крупными ворочают делами», строятся дома, растут сады. Шура Капарулина — кружевница местной артели — поет так, что заслушался заезжий лектор, «оперы любитель, театрал».

«Край огромных работ и счастья», «необыкновенная страна», — так определяет поэт рядовой северный район. В недавно вышедшей книге «Голос первой любви» С. Орлова это ожидание необыкновенности, повсеместного «чуда» еще более усилилось. Вот поэт, основываясь на детских впечатлениях, сказочно украшает родной Белозерск — «безгрешного детства чудо — мой Акрополь в лесах зеленых», вот «в черемухе и звездах ночь кружится необычайной, редкой красоты», немеют соловьи и «полон белый свет простых чудес», вот на вокзалах расположился командированный, дорожный, путешествующий и переселяющийся народ; вокзалы эти видятся поэту «царствами стали, пара и огня», вот толкуют в районной чайной белозеры — «министры поля и реки». «Министрами» их поэт называет потому, что они подлинно государственные люди, потому что

Без них не выдаст хлеб район,
Не встанет дом, не ляжет лес,
Не вырастет красавец лен,
Не знать земле чудес.

Иногда поэт как будто бы нарочито заставляет себя искать эти «простые будничные чудеса» в жизни, это необычайное в повседневности. Такой метод осмысления действительности характерен был для другого ярко выраженного поэта-романтика — для Владимира Луговского.

О, сколько лет я, жадный, добиваюсь,
Чтоб сделался обычный мир волшебным.
Я жизнь свою, как ветку, положил
На красном ослепительном пороге
Необычайности...

(«Середина века»).

То же самое можно сказать и о Сергее Орлове — он настойчиво и последовательно добивается, чтобы «сделался обычный мир волшебным», он ищет выдающееся в рядовом, примелькавшемся. Иногда это приобретает характер условный, иногда поэт впадает в ложноромантическую красоту — таково, например, его большое стихотворение «В метель». Иногда однообразие приема наводит на грустные размышления о попытках поэта перейти на иждивение к собственным удачам. Но главное нельзя здесь не видеть, и это главное заключается в том,

что Сергей Орлов, поэт, обретший свой голос в дни Великой Отечественной войны, и в послевоенный период остался верен своему мироощущению, восприятию действительности в ярком, героическом свете. Не сразу, конечно, в стихах о земляках-белозерах: полеводах, трактористах, лесоводах — были достигнуты подлинные успехи. Многие шло от моды, от условного, общепринятого изображения трудового энтузиазма наших людей.

Глубокая взволнованность С. Орлова увиденным и пережитым на войне поначалу чувствовалась в том, как поэт изображал северную природу. Так, скромные русские березы, не раз бывшие предметом лирического вдохновения, в стихах С. Орлова бронзовели: «березы, словно памятники лету, из серебра и бронзы отлиты»; клены, как часовые, «в плащпалатках зеленых» стыли у окон солдатской столовой. А вихрастый «в рубашонке выцветшего ситца» парнишка запустил голубя так, что

Виден голубь в поле трактористу,
Виден и девчатам за леском,
Как звезда-снежинка в небе чистом
Над одноэтажным городком.

Поздней осенью по берегам Шексны и Сухоны

Журавлиного войска высокие трубы
Поднимаются в небо в назначенный час.

Величавость природы в стихах Сергея Орлова определена была тем, что окружающий мир он воспринимал глазами солдата, остро и сильно почувствовавшего в разлуке, «что значит для него земля». На долгие годы, если не на всю жизнь, «в огне багровом потонули дали и в памяти остались пламенеть». И только со временем поэт четко формулирует понимание красоты природы и красоты всей нашей советской действительности:

Я верю, что земли краса
Вся —
Дело человеческих рук.

Положив «жизнь свою, как ветку, на ослепительный порог необычайности», Сергей Орлов особенно в последних стихотворениях запутывает, «переметафоризирует» свои стихи: пытается внести «романтическое чудо»

искусственным путем. А жаль. Ведь об одном из своих героев он очень правильно сказал:

Жизнь перед ним — рекой широкой,
Как в реку он в нее влюблен.

Широкая и полнокровная река народной жизни даст поэту обильный материал и для философских раздумий, и для публицистических стихов, и для восторженного романтического удивления перед делами и подвигами современников. Пусть же эта река жизни даст дыхание и новым поэмам, новым произведениям поэта Сергея Орлова.
